

—

XVII.

На следующий день. Проснувшись.

Гу Сыюань почувствовал в своих объятиях знакомое тепло и тяжесть и повернул голову, чтобы взглянуть на того, кто спал рядом с ним.

Всё было как каждое утро: Се Чэньюнь положил голову ему на плечо, крепко обхватив его руку обеими ладонями. Лицо его во сне было безмятежным, прекрасным и послушным...

Гу Сыюань некоторое время наблюдал за ним, не удержавшись и начав очерчивать пальцами контуры его лица. Однако, чем больше он касался юноши, тем сильнее росло искушение. В конце концов, он склонился ниже и запечатлел несколько легких поцелуев на его веках и губах.

Потревоженный Се Чэньюнь капризно нахмурился, но рук не разжал и не отстранился. Напротив, он повернул голову, еще глубже зарываясь лицом в его грудь, слегка потерся и издал милое, едва слышное сопение.

Видя это, Гу Сыюань ощутил полное удовлетворение. Такое очаровательное создание должно вечно оставаться в его объятиях.

Он с величайшей осторожностью переложил юношу на внутреннюю сторону кровати и заботливо укрыл одеялом. Выйдя во внешние покои, он увидел Ван Тяня, который уже привел слуг, ожидавших возможности помочь императору с одеванием и умыванием.

Гу Сыюань развел руки, позволяя им прислуживать. Однако, когда всё было закончено, перед самым выходом он снова отдал распоряжение страже во дворе:

— Глаз не спускать с красавца Се.

— Слушаемся! — отозвались гвардейцы.

Поскольку Гу Сыюань остановился здесь, в усадьбе специально выделили большой кабинет, который стал его временным местом для управления государственными делами.

Потратив около получаса, он просмотрел все свитки и доклады на столе. Несколько прошений, касающихся трудовой повинности и военного снаряжения, Гу Сыюань лично утвердил красной тушью, распорядившись исполнить их незамедлительно.

Последние три месяца каждый доклад, поступающий из Кабинета министров, рассматривался и подписывался им лично. На самом деле, перед отправкой министры уже набрасывали свои предложения, и ему оставалось лишь выбрать нужный вариант кистью. Конечно, иногда он вносил собственные правки — крайне редко, но каждое его слово было на вес золота.

Придворные чиновники не могли не вздыхать по этому поводу. Хотя Его Величество снова увлекся «демонической наложницей», один фаворит всё же лучше, чем целая толпа в гареме. По крайней мере, теперь император тратил на государственные дела гораздо больше времени. Возможно, раньше государь был просто слишком молод и несмышлён, но теперь стало ясно: в

делах управления он обладал недюжинным талантом и держался весьма достойно.

Гу Сыюань же, видя такую реакцию, чувствовал себя настоящим мастером психологических манипуляций. Стоит в самом начале опустить планку ожиданий достаточно низко, и тогда любое твоё мало-мальски разумное действие будет восприниматься министрами как божественное откровение, вызывая у них чувство гордости за императора.

«Тц...»

Гу Сыюань отложил кисть, отхлебнул чаю и сложил в стопку оставшиеся доклады, к которым больше не притрагивался. Со дня инцидента на горе Сюаньцин прошло несколько дней, и вести о нем постепенно разносились по Поднебесной. Эти свитки были донесениями из разных регионов о случившемся. Среди них было даже несколько жалоб от великих кланов и знатных семей — их цели были схожи: они зывали к справедливости Гу Сыюаня.

В час Сы (09:00 – 11:00) герцог Сун и Вэй Чжэнпин один за другим прибыли на аудиенцию.

Едва войдя, герцог Сун доложил:

— Ваше Величество, согласно данным моих осведомителей, эти мятежники из семьи У действительно захватили Императорскую печать.

— Хм? — Гу Сыюань поднял голову, изобразив недоумение. — Императорскую печать?

— Ваше Величество, как раз в то время, когда красавец Се подбил Вас оставить армию ради прогулок, мятежники из армии У завладели Императорской печатью, — пропел Вэй Чжэнпин своим зловещим голосом.

Лицо Гу Сыюаня потемнело, и он холодно прикрикнул:

— Вэй Чжэнпин, ты становишься всё более дерзким! При чем здесь красавец Се? Ты вчера прислал двух прислужников, из-за чего наложница Се всю ночь дулась на Меня, а Я еще даже не призвал тебя к ответу!

Услышав это, Вэй Чжэнпин помрачнел еще сильнее:

— Ваше Величество, ревность — великий грех для обитателей заднего дворца. Как можно позволять этой лисице так распускаться? Нужно немедленно наказать его!

Гу Сыюань с силой ударил по столу:

— Дерзость! С каких пор дела Моего гарема стали касаться тебя?!

Выражение лица Вэй Чжэнпина не изменилось, он лишь бросил взгляд на императора. В этот момент он окончательно понял, что подосланные вчера близнецы не возымели никакого эффекта — маленький император решил стоять на своем до конца.

Он протяжно и печально вздохнул:

— Ваше Величество... неужели Вы и впрямь готовы ради одной демонической наложницы пойти против Моего превосходительства?

— Пойти против?

Прежде чем Гу Сыюань успел вспыхнуть, лицо герцога Суна исказилось от ярости. Он тут же указал на Вэй Чжэнпина и закричал:

— Вэй Чжэнпин! Ты всего лишь жалкий евнух! Если бы не милость Его Величества, где было бы твое нынешнее положение? Ты смеешь говорить Его Величеству о том, чтобы «идти против»? Ты недостойн даже произносить такие слова — это чистейшее попираание всех законов подчинения!

— Вэй Чжэнпин, Я и впрямь слишком доверял тебе все эти годы, раз ты перестал чувствовать землю под ногами и больше ни во что Меня не ставишь.

Гу Сыюань швырнул чашку прямо в него и ледяным тоном объявил:

— Слушайте Мой указ! С сегодняшнего дня Вэй Чжэнпин лишается всех должностей. Руководство Ведомством ритуалов передается Ван Таню. Все дела Ведомства Цинли Я беру под свой личный контроль.

Глаза Вэй Чжэнпина опасно блеснули. После долгого молчания он посмотрел на Гу Сыюаня и внезапно слегка улыбнулся — привычно, льстиво и ласково:

— Ваше Величество, старый раб оговорился. Я удалюсь, чтобы более не гневать Вас.

Гу Сыюань холодно фыркнул:

— Проваливай быстрее, не мозоль Мне глаза.

— Слушаюсь.

В тот миг, когда он повернулся, улыбка мгновенно сошла с его лица. Гвардейцы, стоявшие у дверей, встретившись с ним взглядом, почувствовали, как их сердца на мгновение замерли. Мощь великого мастера врожденного уровня (Сяньтянь) была поистине устрашающей.

Гу Сыюань, сидя в кресле, слегка прищурился, глядя на уходящую спину Вэй Чжэнпина. Он не планировал так скоро рвать с ним отношения, но вчера, по воле случая, в его практике «Первозданного искусства Неба и Земли» произошел грандиозный прорыв. К тому же, в его дальнейших планах Вэй Чжэнпин мог стать серьезной помехой. Раз так, зачем больше терпеть?

Герцог Сун, подняв глаза, мельком увидел выражение лица императора. В нем была такая холодная и острая решимость, что даже у него, человека, прошедшего полжизни на полях сражений, невольно похолодело внутри. Он вспомнил письмо от сына... Возможно, никто из них никогда по-настоящему не знал своего императора.

Гу Сыюань перевел взгляд на герцога Суна:

— Господин Сун, хочешь что-то сказать?

Герцог Сун сложил руки в приветствии:

— Согласно донесениям моих тайных агентов, священная обитель боевых искусств — Дворец Тяньвай — под предлогом проведения собрания мастеров устроила в Цзянчэне так называемое «Собрание по избранию Правителя от имени Небес». Они даже выставили на всеобщее обозрение Императорскую печать, утерянную сто лет назад в смутные времена. Армия семьи У, воспользовавшись преимуществом своего расположения, тайно стянула войска и заранее

заложила взрывчатку. В итоге они практически уничтожили всех участников собрания и завладели печатью.

Услышав это, Гу Сыюань холодно усмехнулся:

— О, псы грызутся — только шерсть летит. Это ли не прекрасно? Эти мятежники воистину дерзки: Я еще жив, а они уже смеют «избирать Правителя от имени Небес».

— Преступление их велико, и десяти тысяч смертей не хватит, чтобы искупить вину, — кивнул герцог Сун.

Однако, помолчав немного, он все же не удержался от прямого вопроса:

— По словам моего сына, он видел на собрании Ваше Величество и красавца Се. То, что ему и части людей из секты Юйхо удалось спастись, — заслуга людей из школы Пили, которые намеренно их отпустили.

Гу Сыюань слегка приподнял веки и бесстрастно произнес:

— Господин Сун — человек умный, и Мне нет нужды объяснять очевидное.

Сун Гогун вздрогнул, но тут же обрадовался и зачастил:

— Да, Ваше Величество видит насквозь бездну времен, нам, подданным, за Вами не угнаться.

Гу Сыюань небрежно отозвался:

— Всего лишь мелкие хитрости.

— Ваше Величество одним малым усилием заставили предателей вкусить плоды собственного зла, какая мудрость! — добавил герцог Сун. — Однако раз уж Императорская печать явилась миру, она по праву должна принадлежать Вашему Величеству. Зачем же оставлять ее мятежникам У?

Гу Сыюань посмотрел на него и указал на стопку докладов под рукой:

— Господин Сун, знаешь ли ты, что написано в этих свитках?

— Прошу Ваше Величество просветить меня.

Голос Гу Сыюаня звучал низко и глубоко:

— Из четырех великих кланов, не считая твоего рода Сун, три других — Чжао, Шэнь и Цянь — прислали доклады почти об одном и том же. Они прослышали, что Я лично возглавил поход и прибыл в Хуанчжоу, и теперь выражают желание прибыть с провиантом и оружием Мне на подмогу.

Герцог Сун сначала опешил, но быстро сообразил и холодно усмехнулся:

— Боюсь, их подмога — лишь предлог, а истинная цель — личная месть. Я слышал, что на горе Сюаньцин люди этих кланов были перебиты армией У почти до последнего человека. Семьи Чжао и Цянь хоть и потеряли наследников и верных слуг, но это еще малые потери.

— А вот от клана Шэнь на собрании присутствовал сам глава. Он пропал без вести, и теперь его

сыновья и братья вцепились друг другу в глотки за власть в роду. Мои шпионы доносят, что старейшины Шэнь, дабы прекратить распри, объявили: тот, кто вернет печать и отомстит за главу, тот и займет его место.

Гу Сыюань вскинул бровь:

— Вот для этого печать и оставлена у семьи У. Моя следующая партия в шахматы начинается. Раз они все так хотят прийти — пусть приходят. Но когда они явятся, всё будет уже не в их власти. Что Мне стоит устроить еще одно «собрание горы Сюаньцин»?

Услышав это, герцог Сун внутренне содрогнулся, мгновенно поняв замысел императора.

Он собирается выкосить их всех одним махом!

Затем они обсудили передвижения войск. Герцог Сун поражался всё больше: таланты этого молодого императора превосходили всякое воображение. Это было великое счастье для Поднебесной! Покойный император на небесах теперь мог спать спокойно.

Утро пролетело быстро. Настало время обеда, и Гу Сыюань покинул кабинет, направляясь к дворику, где оставил Се Чэньюня.

Едва он вошел в ворота, как увидел измученные лица стражников. Похоже, проснувшийся Се Чэньюнь задал им жару.

При мысли о том, как мило Се Чэньюнь может капризничать, губы Гу Сыюаня невольно тронула улыбка. Но тут же он испытал легкое досаду: нужно было утром велеть перенести доклады сюда, тогда бы он лично увидел, как тот злится.

С этой мыслью он быстро зашагал в комнату. Однако не успел он переступить порог, как раздался свист, и какой-то черный предмет на лету злобно устремился прямо в него.

Он вскинул руку и поймал черную керамическую чайную чашку. Слегка приподняв веки, он подумал: «Тц, похоже, спешить не стоило, его капризы так быстро не закончатся...»

Держа чашку, Гу Сыюань вошел в комнату. Он увидел Се Чэньюня — тот сидел на мягкой кушетке у окна с распущенными волосами. Его взгляд, встретивший императора, был полон насмешливой иронии.

— Неужели Ваше Величество закончили свои великие дела и наконец вспомнили о том, что пора бы «одарить милостью» своего наложника?

Гу Сыюань небрежно бросил чашку, и та устойчиво приземлилась на чайный столик подле кушетки. Он сел рядом и мягко коснулся черных прядей юноши, прежде чем медленно произнести:

— Чэньюнь, а знаешь ли ты, что значит «одарить милостью»?

Се Чэньюнь вспыхнул. Он всего лишь хотел съязвить.

Гу Сыюань ущипнул его за белую нежную щеку и, прижав палец к его алым губам, холодно сказал:

— Ты вчера так упрявился, но, похоже, это было лишь недоразумение из-за твоей застенчивости. Знай Я раньше, что у тебя такие порывы, Мне не пришлось бы так долго ждать.

— Замолчи! — Се Чэньюнь покраснел от кончиков пальцев до корней волос. Однако язык его оставался острым. Он фыркнул, решив сменить тему: — Ваше Величество, до каких пор вы собираетесь держать меня взаперти?

Гу Сыюань посерьезнел:

— Это зависит от твоего поведения.

Се Чэньюнь уставился на него, надув губы:

— А если мое сердце никогда не дрогнет, неужели я проведу в этой усадьбе всю оставшуюся жизнь?

Гу Сыюань слегка покачал головой:

— Ну что ты, нет.

Лицо Се Чэньюня озарилось радостью:

— Ваше Величество...

— Примерно через два месяца Я планирую вернуться в столицу. Если ты к тому времени всё ещё будешь непослушным, Я помогу тебе со сменой обстановки и запру тебя в императорском дворце, — спокойно разрушил его иллюзии Гу Сыюань.

— ... — Се Чэньюнь.

Разве нормальный человек может такое сказать?

Се Чэньюнь сглотнул и, долго подбирая слова, выдавил:

— Неужели нет более компромиссного решения? Ваше Величество, вы же говорили, что будете уважать мои чувства?

Гу Сыюань окинул взглядом его белую изящную шею, красивые ключицы и босые ступни, белеющие на кушетке, словно холодная яшма, и кротко кивнул:

— Есть.

Се Чэньюнь помедлил, прежде чем спросить:

— И какой же?

Взгляд Гу Сыюаня был глубоким и темным, а голос ровным:

— Сделать сырой рис вареным. Упомянутая тобой «милость императора» кажется Мне отличным вариантом.

— ... — Се Чэньюнь.

Ну конечно, он так и знал.

Он вскочил с кушетки и, наступив босыми ногами на прохладный пол, капризно заявил:

— Я проголодался, пойдем обедать!

На лице Гу Сыюаня отразилось сожаление, но он тоже встал. Однако первым делом он подошел за туфлями и, опустившись перед Се Чэньюнем на одно колено, обхватил его тонкую, словно прозрачную лодыжку:

— Обуйся.

Чувствуя тепло его рук, Се Чэньюнь опустил глаза, а мочки его ушей покраснели. Краем глаза он видел широкую спину этого человека и невольно вспомнил тот вечер несколько месяцев назад, когда его только отобрали во дворец. Тогда император точно так же опустился перед ним, держа его за лодыжку, чтобы надеть обувь.

Тогда он был так же растерян, а сердце колотилось так же бешено.

Возможно, уже с того момента ему было суждено оказаться в руках этого человека, укравшего его сердце.

— Пойдем, — Гу Сыюань выпрямился и протянул руку, чтобы взять его за ладонь.

— О... — протянул Се Чэньюнь и тихо откликнулся, вкладывая свою изящную руку в его ладонь.

После полудня. Солнце светило ярко, вокруг царило спокойствие.

Они, переодевшись в свободные одежды, сидели друг напротив друга на кушетке и заваривали чай.

Вспомнив слова Гу Сыюаня о возвращении в столицу через два месяца, Се Чэньюнь не удержался от вопроса:

— Ваше Величество, вы уже решили покончить со всем быстро?

Гу Сыюань кивнул и бросил:

— Всё готово.

Видя, что тот ограничился лишь парой слов и снова, как на горе Сюаньцин, что-то скрывает от него, Се Чэньюнь обиженно поджал губы:

— С мудростью Вашего Величества победа, разумеется, уже у Вас в руках.

Гу Сыюань взглянул на сидящего перед ним человека, уловив в его голосе легкие нотки обиды.

Немного подумав, он спросил:

— Чэньюнь, хочешь узнать Мой план?

Глаза Се Чэньюня мгновенно вспыхнули.

Увидев это, Гу Сыюань едва заметно улыбнулся, невольно подумав о том, насколько он мудр и как искусно умеет радовать своего избранника.

Прошло немало времени.

Се Чэньюнь, выслушав до конца замысел Гу Сыюаня, замер в глубоком шоке, не в силах прийти в себя. Лишь спустя долгое время он моргнул и с придыханием произнес:

— Ваше Величество, неужели вы еще с Цзянчэня шаг за шагом просчитывали так много ходов?

— Не сказал бы, что это был долгий расчет. Просто вещи оказались в нужном месте, и Я решил использовать их с максимальной пользой, вот и всё.

Лицо Гу Сыюаня оставалось совершенно невозмутимым. Он говорил так спокойно, будто хвалил сегодняшний обед и советовал повторить его в следующий раз, а не обсуждал грандиозный заговор, способный сокрушить несколько величайших кланов и знатных семей.

— ... — Се Чэньюнь глубоко вдохнул.

Гу Сыюань, заметив его ошоломление, слегка нахмурился:

— Я рассказал тебе всё без утайки. Неужели ты до сих пор недоволен?

— ... — Се Чэньюнь.

Се Чэньюнь положил подбородок на колени и закрыл щеки ладонями. Кажется, в глазах Гу Сыюаня тот факт, что этот план должен был его порадовать, значил больше, чем сам план.

В это мгновение Се Чэньюнь внезапно почувствовал тот самый трепет — когда вся любовь мира, предназначенная для трех тысяч наложниц, сосредоточена на тебе одном. Кто в Поднебесной способен устоять перед таким величием?

Се Чэньюнь окончательно осознал истинный смысл фразы: «Сила и мудрость — величайшее очарование в мире». Гу Сыюань был живым воплощением этого очарования. Каждый, кто хоть раз видел его или говорил с ним, разве мог не склониться перед этой силой?

Он поднял голову и пристально посмотрел на человека напротив. Солнечные лучи пробивались сквозь оконную занавеску тонким слоем света. Гу Сыюань сидел в этом сиянии, но даже оно не могло затмить его собственного блеска — он выглядел благородным и отрешенным, словно божество.

Да, если бы в мире существовали небожители, то одним из них определенно был бы Гу Сыюань. Сын Неба, единственный император этого мира.

Гу Сыюань вскинул бровь:

— Чэньюнь, почему ты так на Меня смотришь? Неужели твое сердце наконец дрогнуло?

Се Чэньюнь поджал губы и улыбнулся:

— Угу. Поэтому, Ваше Величество, разблокируйте мои точки!

— ... — Гу Сыюань был полон сомнений.

Се Чэньюнь снова тихо рассмеялся и произнес отчетливо, слово за словом:

— Тогда... Ваше Величество, «одарите меня милостью».

— ... — Гу Сыюань.

«Неужели мой интеллект снизился?» — он чувствовал, что всё меньше понимает человека рядом с собой.

Се Чэньюнь приподнялся, садясь на кушетке на колени; верхнее одеяние при этом движении соскользнуло с его плеч. Сквозь тонкую шелковую нижнюю рубаху уже можно было представить, какой изумительный пейзаж скрывается внутри.

Улыбаясь, он раскрыл объятия навстречу Гу Сыюаню.

В голове у Гу Сыюаня загудело. Он и впрямь заподозрил, что его разум помутился — иначе как он мог посреди зимы увидеть цветение пышного персикового сада?

В следующий миг рукав черного с золотом халата, расшитый драконами, взметнулся, и раздался непрерывный звон... Низкий столик вместе с кубками, чайником и всем прочим был сметен на пол.

Лишь стрекочущее на оконной раме насекомое видело, как переплелись их длинные волосы и как внезапно поджались белые пальцы на ногах.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281670>